

После свадьбы родители перебрались в уездный город. Мама устроилась в местную начальную школу, и мотаться туда-сюда из деревни ей было бы тяжело. Отец же, ремесленник, от места работы не зависел — ему везде дело находилось. К тому же из уезда куда проще ездить за лекарственным сырьем: транспортная развязка здесь отличная.

Детство у меня выдалось ярким. И пусть мама каждый божий день пилила меня из-за уроков, а устававший до полусмерти отец непременно требовал показать тетрадки, это не мешало мне лелеять бунтарский дух, жаждущий воли.

Каждое лето мы всей семьей уезжали в деревню. Мой старший дядя, Чжоу Хунцзюнь, жил вместе с бабушкой в родовом гнезде. Места там было — хоть конем гуляй. Когда-то эта усадьба принадлежала местному помещику, а после революции ее разделили между собой дед и трое его братьев. Но даже поделенный на четыре части двор оставался огромным: в каждом доме без труда разместилась бы орава из семи-восьми человек. В девяностом году старший дядя поднялся на яблоневых садах и затеял капитальный ремонт.

Теперь усадьба разрослась настолько, что даже на Новый год, когда съезжались отец и трое его братьев с женами и детьми, никто не теснился.

В школу меня отдали рано, в шесть лет. По тем временам — невиданная спешка. Правда, из-за некоторых причуд с датой рождения чужим меня представляли восьмилетним. Так я хотя бы не выделялся среди одноклассников.

Но классная руководительница, мамина коллега, знала мой настоящий возраст. Из жалости она меня опекала: при распределении дежурств всегда определяла в группу к двоюродному брату, чтобы никто не обижал. Брат, сын одного из дядей, был старше всего на год, но уродился настоящим крепышом — на голову выше меня и в плечах шире.

Я рос заморышем. До самого старшего звена, если не считать пары болезненных ребят, гордо носил звание самого низкого ученика на параллели. Вытянулся только в старших классах, да и то к выпуску дополз лишь до категории «чуть ниже среднего».

Что поделать, мужики на Северо-Востоке видные, рослые. Мы ведь у самых гор жили, у каждого на столе то дичь, то лесные деликатесы — с таким питанием низкорослым остаться трудно.

Впрочем, я отвлекся. Вернемся к детству.

В деревне я считался самым младшим: даже дети дяди Чжияюаня обгоняли меня по возрасту. Стоило нам приехать, как я превращался в хвостик старших братьев. Мы пропадали целыми днями: гоняли по склонам зайцев, ловили в речке вьюнов. Домой я возвращался в таком виде, будто меня только что вытащили из болотной жижи.

Мать, конечно, за голову хваталась и так и этак костерила мою безалаберность, но бабушка нас

никогда не ругала. Она считала, что мальчишке положено быть егозой. Единственное, о чем она твердила постоянно и со всей строгостью — запрещала ловить норных зверей.

Под норными подразумевались пять видов: лисы, ласки-колонки, ежи, змеи и крысы с мышами.

У нас на Северо-Востоке портить шкуру или лишать жизни эту живность считалось тягчайшим грехом. В народе их уважительно именовали Пятью великими бессмертными Северо-Востока. Верили, что они обладают разумом, душой и способны путем сурового самосовершенствования стать земными божествами.

В этот пантеон входили Бессмертный Лис, Бессмертный Желтый — колонок, Бессмертный Белый — еж, Бессмертный Ива — змея, и Бессмертный Серый — мышь. Простые люди привечали их в своих домах, ставили им алтари и молились о защите очага.

Были и те, кто заключал с бессмертными священный союз, становясь их земным проводником — шаманом-практиком. Через таких людей духи помогали страждущим выпутываться из передраг, неподвластных обычной медицине и здравому смыслу.

Мальчишкой я мало что смыслил в тонкостях шаманизма и над бабушкиным запретом голову не ломал. Логика у меня была простая: раз это мясо в котел не бросишь, то и ловить его незачем.

В третьем классе спокойной жизни пришел конец. На летних каникулах школа объявила масштабную кампанию по борьбе с «четырьмя вредителями». Первым делом от нас потребовали принести по пятьдесят мушиных трупиков.

Дрянь мелкая, на любой помойке пруд пруди. Мы с ребятами объединили усилия и за пару дней нагребли полный совок этого добра. Сдали учительнице с большим запасом — никто, разумеется, оставлять себе сушеных мух на память не собирался.

Нашу классную звали Сюй Сымяо. Она была барышней утонченной, возвышенной. Раздавая задание, она прямо-таки горела энтузиазмом и призывала нас проявить гражданский долг. Но когда мы торжественно вывалили перед ней результаты своих трудов, Сюй Сымяо буквально окаменела.

Принимая очередную порцию мертвых насекомых, она брезгливо кривилась, точно монах перед чашей с ядом. Поговаривали, что в первый день сдачи она пришла домой, упала на кровать и прорыдала до утра, а наутро явилась в класс с красными опухшими глазами.

Нам-то весело было соревноваться в ловкости, а вот бедной изнеженной учительнице пришлось несладко. Со временем она, конечно, зачерствела. К концу мушиной эпопеи Сюй Сымяо принимала наши подношения с каменным лицом, и глаза у нее больше не краснели.

Мы уж было вздохнули с облегчением, думая, что повинность сдана и можно беззаботно гулять, как сверху спустили новую директиву. Теперь надлежало истреблять грызунов. Норма — десять мышиных хвостов с носа еженедельно.

Поначалу мы промышляли в собственных подъездах — в те годы шуршание за мусоропроводом никого не удивляло. Сам я, правда, к капканам и отраве не прикасался. Черную работу взял на себя отец.

Одно дело — размахивать мухобойкой, и совсем другое — возиться с грызунами. Матушка моя, выросшая в городе, отличалась повышенной брезгливостью и категорически запретила мне прикасаться к трупам вредителей. Даже отцу доставалось: в дни охоты его не пускали на порог, пока он не отмоется в бане.

Каково это — мыться каждый день, когда в квартире нет горячей воды? Приходилось отстегивать по два юаня за поход в общественную баню. Отец из-за этого страшно злился и втихомолку материл школьное начальство. Матерился он шепотом, чтобы жена не услышала — все-таки школьный директор был и ее непосредственным боссом.

Довольно быстро подъездные крысы перевелись, и у ребят иссяк источник сырья. Почесав затылки, банда решила на выходных отправиться в горы — грабить дикие мышинные норы.

Идти мне не хотелось. Из-за вечных маминых запретов я ни разу в жизни не держал в руках живую мышь и, честно говоря, побаивался. Но пацаны подняли меня на смех, обозвали маменькиным сынком, и я, вспыхнув от обиды, сгоряча согласился.

Мальчишеская гордость — штука хрупкая. Больше всего на свете в том возрасте боишься прослыть трусом. К тому же во мне заговорил затаенный подростковый бунт против родительской опеки.

Сперва мы шерстили поля у подножия холмов. Местные полевки людей не боялись и шныряли под ногами средь бела дня. В наших краях кошек почти не держали — предпочитали крупных сторожевых псов. А из собаки охотник на грызунов, прямо скажем, никудышный.

И вот я включился в эту безжалостную дератизацию. Мы крушили гнезда, размахивали палками, но вместо азарта в груди селилась какая-то мутная тоска.

Мне упорно казалось, что лесные мыши совсем не похожи на наглых, жирных городских крыс. Я ловил себя на странной мысли: мордочки у лесных грызунов чище, глаза-бусины смотрят осмысленно, да и шерстка отливает благородным серым серебром.

Вскоре прибрежные поля опустели. Чтобы набрать норму, нужно было углубляться в лес, подниматься выше по склонам.

Я наотрез отказался идти в чащу. Бабушка часто предупреждала, что лесной зверь — особенный, у него есть искра разума и он может практиковать тайные учения. По телевизору как раз крутили «Легенду о Белой Змее», так что в мистику я верил свято и бабушкины слова под сомнение не ставил.

Одно дело — гонять вредителей по межам, и совсем другое — вторгаться во владения горных духов. План по хвостам на эту неделю я выполнил, так что резонно рассудил, что пора умывать руки.

Попрощавшись с ребятами, я свернул к деревне. Там жила младшая сестра моей бабушки — двоюродная бабушка, которая во мне души не чаяла. В моих планах было напроситься к ней на обед, переждать жару, а к вечеру встретить пацанов у автобусной остановки и вместе поехать в уезд.

Дружки мои, конечно, смачно сплюнули под ноги и обозвали меня девчонкой, но уговаривать не стали. Наверное, решили, что от такого неженки в лесу толку все равно не будет.

Видит бог, я всего-то надел резиновые перчатки, когда потрошил капканы! Между прочим, школьный инструктор сам велел соблюдать санитарные нормы.

У двоюродной бабушки во дворе вечно толпился народ. Жизнь там кипела с утра до ночи. В силу возраста я не понимал причин такого паломничества. Много позже из кухонных разговоров старших я узнал, что бабуля служила шаманом-медиумом — «смотрела судьбу» и лечила тех, от кого отказались врачи.

Что означает «смотреть судьбу», для меня оставалось загадкой, а вот «лечить» — это было ясно. Поэтому я долго считал родственницу обычным деревенским знахарем, промышляющим без лицензии.

Плотный обед разморил меня. Повозившись немного с какими-то игрушками, я прикорнул на кане и провалился в дрему. Сквозь сон до меня доносился глухой гул голосов из-за перегородки. Там находилась приемная комната бабушки, куда детям соваться строго воспрещалось. Должно быть, пожаловали очередные просители.

Говорили на повышенных тонах, да так яростно, будто спорили сразу несколько банд. Сонный, я всегда отличался скверным характером. Терпеть этот базар над ухом не стал и рявкнул во всю глотку:

— Да завалите вы пасти! Спать мешаете!

На удивление, гомон за стеной мгновенно стих. Наступила мертвая тишина, и я со спокойной совестью погрузился в глубокий сон.

Глаза я открыл от мягкого прикосновения. Двоюродная бабушка сидела рядом и с теплой улыбкой глядела на меня.

— Проснулся, Дачуань? Давай-ка поднимайся, егоза, скоро твой автобус приедет.

Стряхнув остатки дремоты, я обулся, спрыгнул с кана и жадно осушил кружку холодной воды. Попрощавшись с хозяйкой, я припустил к околице, чтобы перехватить уставших охотников.

Ребята вернулись из тайги триумфаторами. Рюкзаки у всех раздулись от добычи, а один из пацанов тасил в руке холщовый мешочек, который подозрительно шевелился.

— Эй, Чжоу Дачуань, держи подарок! — один из приятелей протянул мне мешок. — Твоя мать ведь с юга? Я слышал, южане — дикари знатные, обожают жрать живьем новорожденных мышат. Тут как раз выводок, еще теплые. Будет тебе деликатес к ужину!

Протягивая руку, я надеялся, что мне отсыпят немного мышиных хвостов для школьного отчета. Но когда до меня дошел смысл его слов, по спине пробежал холодок. Я так и замер с вытянутой рукой.

«Сам жри своих крыс, голодранец несчастный!»

Немного успокоившись, я поддался любопытству. Новорожденных мышат мне видеть еще не доводилось. Я приоткрыл завязки холщового мешка и заглянул внутрь.

Долго всматривался, но так и не обнаружил сходства с грызунами. Разве что форма черепа отдаленно напоминала крысиную.

Крошечные существа были абсолютно голыми, розовыми и беззащитными. По идее, мне следовало испытывать к ним омерзение, но эти пищащие комочки никак не вязались в моей голове с образом злостных вредителей, уничтожающих крестьянские запасы зерна.

Подкатил старенький рейсовый автобус. Я нарочно замешкался, пропуская всех вперед, а когда толпа ввалилась в салон, незаметно швырнул мешочек в придорожный бурьян. Подумав секунду, я вытащил из кармана две недоеденные барбариски и бросил их следом.

Судя по всему, родителей этих бедолаг мои одноклассники уже пустили на хвосты. Конфеты мне все равно были без надобности, вот я и решил проявить сострадание.

В книжках про боевые искусства благородные отшельники всегда так поступают: увидят сиротку, чью семью вырезали враги, и забирают к себе на воспитание.

До мастера кунг-фу мне, конечно, было далеко, но дух вольного бродяги требовал подвигов.

Почувствовать себя великодушным спасителем слабых оказалось чертовски приятно.

Когда я поднялся на подножку без мешка, пацаны встретили меня дружным улюлюканьем. Весь обратный путь они строили мне гримасы и клялись, что больше никогда не возьмут меня в свою компанию.

Да и больно надо. Раньше я как-то не замечал, но теперь их злые, заносчивые физиономии вызывали у меня только глухое раздражение. С того дня я твердо решил держаться от этой своры подальше.

<http://bllate.org/book/20253/2106021>